

УДК 16.21.45

КОНТРАСТИВНОЕ ИЗУЧЕНИЕ НЕКОТОРЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТИПОВ В РУССКОМ И ЧЕЧЕНСКОМ ЯЗЫКАХ

Сулейбанова М.У.

Чеченский государственный университет, Грозный, Россия (364907, Грозный, ул. Шерипова, 32), e-mail: sulejbanova/ru@mail.ru

В статье проводится сопоставительный анализ русских и чеченских сложных существительных с точки зрения семантики словообразовательных формантов основ. Исследование фактического словарного материала обнаружило большое количество всевозможных суффиксов, которые вместе с таким распространенным словообразовательным способом, как словосложение, способствуют активному образованию новых сложных существительных. Поскольку охват всего многообразия производящих формантов не входит в нашу задачу, мы ограничились здесь рассмотрением лишь наиболее продуктивных русских словообразовательных суффиксов и их чеченских соответствий. В русском и чеченском языках необходимо четко дифференцировать морфемный состав и словообразовательную структуру композитов. Подобное понимание вопроса особенно важно в работах сопоставительного плана, поскольку, например, русские композиты, образованные разными способами, но имеющие один и тот же морфемный состав, нередко получают в чеченском языке различное эквивалентное выражение.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, сложные существительные, словообразовательные форманты, словообразовательный способ, продуктивные словообразовательные суффиксы.

CONTRASTIVE STUDY OF CERTAIN TYPES OF WORD-FORMATION IN RUSSIAN AND CHECHEN

Suleybanova M.U.

Chechen State University in Grozny, Russia (364907, Grozny, st. Sheripov, 32), e-mail: sulejbanova/ru@mail.ru

The article presents a comparative analysis of Russian and Chechen compound nouns in terms of semantics of word-building formants bases. A study of the actual material of the vocabulary found a large number of all kinds of suf-fix, which, together with the common word-formation process as slovoslozhe-tion, contribute to the formation of new active compound nouns. Since the coverage of the whole variety of produce formants is not our problem, we shall consider only the most productive derivational suffixes Russian and Chechen matches. The Russian and Chechen need to clearly differentiate the morphemic composition and its derivational structure of composites. Such an understanding of the issue is particularly important in the work plan comparative because, for example, Russian composites formed in different ways, but having the same morphemic composition, often produced in different Chechen language equivalent expression.

Keywords: benchmarking, compound nouns, word formation formants, derivation method productive derivational suffixes.

Словообразовательные системы русского и чеченского языков располагают обилием способов порождения новых слов, среди которых выделяются сложение основ, суффиксация, префиксация, суффиксально-префиксальный и другие способы. Однако наиболее продуктивным из всех отмеченных способов словопроизводства является суффиксальный способ образования новых слов. В статье проводится сопоставительный анализ русских и чеченских сложных существительных с точки зрения семантики словообразовательных формантов основ.

Исследование фактического словарного материала обнаружило большое количество всевозможных суффиксов, которые вместе с таким распространенным словообразовательным способом, как словосложение, способствуют активному образованию новых сложных существительных. Поскольку охват всего многообразия производящих

формантов не входит в нашу задачу, мы ограничимся здесь рассмотрением лишь наиболее продуктивных русских словообразовательных суффиксов и их чеченских соответствий. Их классификация проводится нами в соответствии с традиционно принятой классификацией формантов словообразования [Даниленко 1966].

Рассмотрение композитов в соответствии со значениями словообразовательных формантов представляет особый интерес в плане семантики, ибо каждый конкретный формант несет определенную семантическую нагрузку и предопределяет семантику соответствующего сложного слова. Например, сложное слово «лесоторговля», включающее формант *-л(я)*, наделено процессуальной семантикой, в то время как однокоренное с ним сложное слово «лесоторговец», образованное посредством суффикса *-ец*, несет совершенно иную семантическую нагрузку, а именно: обозначает лицо по принадлежности к определенному роду занятий. Здесь расхождение семантики сложных слов, имеющих одинаковые составляющие основы и объединяемых в родственную группу сложных лексических единиц, вызвано различным семантическим наполнением формантов, производящих данные слова.

Аналогичная картина наблюдается в чеченском языке только на первый взгляд. Ср.: *болатлалор* и *болатлалорхо*, *бошмашлелор* и *бошмашлелорхо*, *даьхнилелор* и *даьхнилелорхо*, и мн. др. Первые и вторые компоненты этих пар лексем входят в разные семантические классы. Но это не связано с использованием разных формантов с соответствующими различными словообразовательными значениями. Дело в том, что в чеченском языке подобные сложные слова характеризуются более сложными словообразовательными отношениями, чем те, которые мы наблюдаем в русском языке. В чеченском языке сопоставляемые пары сложных слов (*болатлалор* и *болатлалорхо*, *бошмашлелор* и *бошмашлелорхо*) различны по морфемно-словообразовательной структуре: существительные со значением лица, для которых в качестве производящих основ можно рассматривать сложные образования со значением действия/деятельности, отличаются суффиксом *-хо*, и они всегда формально сложнее первых как минимум на этот суффикс. Соответственно они характеризуются и семантической сложностью («лицо, занимающееся деятельностью, обозначенной в производящей основе») [3, с.206].

Различия мы наблюдаем и в случаях с другими производящими основами. Ср. родственные пары в русском и чеченском языках, имеющие разные значения: *рыболов* – *рыболовство*, чеч. *ч1ерийлецар* – *ч1ерийлецархо*, *садовод* – *садоводство*, чеч. *бошмашлелор* – *бошмашлелорхо*. В русском языке, как мы видим, формально сложнее существительные со значением действия/деятельности (*садоводство* – *бошмашлелор*, *рыболовство* – *ч1ерийлецар*), тогда как в чеченском формальной сложностью характеризуются

существительные со значением лица (*чIерийлецархо* – рыболов, *бошмашлелорхо* – садовод). Тем не менее на уровне словообразовательных значений формантов соответствия между русским и чеченским языками, как показывает дальнейший анализ подобных примеров, имеются.

Сопоставительный словообразовательный анализ позволил выделить в качестве наиболее продуктивных следующие форманты, участвующие в производстве сложных лексических единиц в словообразовательных системах современного русского и чеченского языков:

1. Форманты *-ение(e)*, *-ани(e)*, *-и(e)*

Семантический анализ композитов с выделенными формантами показал однозначность семантического поля функционирования производных данного типа, а именно: все сложные лексические единицы, появившиеся в результате использования формантов *-ени(e)*, *-и(e)*, употребляются в значении действия, названного девербативной основой соответствующих композитов.

Этот вывод становится убедительным при рассмотрении словосочетательной объективации данных слов. Так, сложное слово «землепользование» на словосочетательном уровне языка означает «пользование землей», «формообразование» – «образование формы» и т.д.

Отмеченное общее семантическое значение действия, передаваемое посредством русских формантов, в словообразовательной системе современного чеченского языка оформляется с помощью суффиксов *-р*, *-хо*.

Среди названных чеченских словообразовательных показателей внутри исследуемой группы наибольшую активность проявляет масдарный суффикс *-р*. Сравним: *кемадохар* – кораблекрушение, *болатлалор* – *сталеварение*, *мохкбегор* – *землетрясение*, *сабадар* – *мыловарение* и др.[3,с.207].

Сопоставительный семантический анализ исследуемых русских и чеченских сложных лексических единиц позволяет установить, что чеченские композиты, входящие в рассматриваемую группу, имеют семантическое наполнение, полностью адекватное значению, выражаемому соответствующими русскими сложными словами, а именно: отмеченные чеченские сложные лексические единицы, подобно своим русским синонимам, выступают с одним-единственным значением – значением действия, точнее – с процессуальной семантикой.

Таким образом, сопоставительное исследование лексического материала не выявило расхождений в семантическом плане между соотносительными русскими и чеченскими композитами данной группы. Имеющееся и известное различие состоит в том, что в русском

языке при образовании подобных сложных слов используется не один формант, а целая их система (кроме выделенных еще имеются и другие, рассматриваемые ниже), тогда как в чеченском это исключительно масдарные формы, имеющие единственный формант – *р*. Кроме того, обнаруживаются различия в соотношении сложных существительных по формальной сложности: в русском языке, как мы видели, формально сложнее существительные со значением действия/деятельности, тогда как в чеченском формальной сложностью характеризуются существительные со значением лица.

В производящих основах, входящих в состав сложных слов анализируемого словообразовательного типа, также не отмечается расхождений между синонимичными парами русских и чеченских сложных лексических единиц. Как и соответствующие русские сложные слова, их чеченские эквиваленты также включают в качестве своих конструирующих компонентов слова, принадлежащие к различным грамматическим разрядам, но среди них преобладают девербативные и субстантивны основы. Точнее, опорные компоненты исследуемых сложных слов чаще всего передаются девербативными корнями (ибо данная группа композитов, как уже было отмечено, наделена процессуальной семантикой, выражаемой в системах обоих языков глаголом), зависимые же основы не отличаются однородностью, проявляя принадлежность к самым различным частям речи: субстантиву (*словоизменение* – *дошхийцадалар*), квантитативу (*второбрачие* – *шолгIазудаялор*), местоимению (*самовосхищение* – *шашехвоккхавер*), а также к словам, восходящим к другим частям речи, призванным конкретизировать действие, названное опорной (глагольной) производящей основой.

Сложные слова, образованные посредством перечисленных формантов, в современном русском языке поддаются синтаксической объективации либо на обоих известных уровнях одновременно, либо на каком-нибудь одном из этих уровней в зависимости от семантической принадлежности. Сложные лексические единицы рассматриваемой группы в современном чеченском языке не могут иметь синтаксическую объективацию, т.к. не имеют синтаксических синонимов – соответствующих словосочетаний, т.е. не образуют синонимических пар: *латтаахар* «землепашество» не составляет пару с «*ахарлатта*» «пашество» и «земля», *къоратохар* «градобитие» также не имеет словосочетательной пары *тохар* «битие» и *къора* «град» и др. [3,с.209].

2. Форманты -к(а) и -лк(а)

Внутри словообразовательных систем обоих языков сложные лексические единицы данного типа также характеризуются высокой продуктивностью.

Семантическое поле композитов с выделенными формантами варьируется. Они охватывают четыре основных словообразовательных значения:

1) процессуальное, передаваемое формантом *-к(а)*. Например, *верхолазка* – *лакхенийнбелхало*, *казнокрадка* – *хазналечкьориг* и др.;

2) орудийное, передаваемое как формантом *-к(а)*, так и формантом *-лк(а)*. Например: *просорушка* – *борцьохьург*; *водокачка* – *хиузург*; *зерносушилка* – *буьртигбакьориг*;

3) локальное, оформленное с помощью форманта *-лк(а)*, реже *-к(а)*;

4) значение лица с определенной характеристикой, выражаемой лишь формантом *-к(а)*. Опорные основы сложных слов данной группы в обоих языках восходят к девербативному корню. К последнему, в качестве зависимого компонента, присоединяются главным образом субстантивные основы (ср.: *мясорубка* — *жижигьотург*), а также возможны адъективные основы (ср.: *сладкоежка* - *мерза хлума езарг*), основы местоимений (ср.: *себялюбка* – *ша-шенезарг*). Заметим, что все представленные здесь основы субстантивированы.

Отмеченные первые вспомогательные части, организующие композиты анализируемого словообразовательного типа, способствуют конкретизации семантики действия, названного соответствующими опорными компонентами.

Среди слов, входящих в данную группу сложных лексических единиц, сложные слова с процессуальной семантикой в русском языке способны лишь к словосочетательной объективизации: сложные существительные, характеризующие локальной семантикой, объективируются лишь в предложенческие конструкции; сложные же лексические единицы с субъективной семантикой могут объективироваться как в соответствующие словосочетания, так и в соответствующие предложения. Сравним: *лесозаготовка* (*заготовка леса*), *лесосушилка* (*место, где сушат лес*), *всезнайка*: а) *знающий все*, б) *тот, кто знает все*; *сноповязалка*: а) *связывающая снопы*, б) *машина, которая связывает снопы*.

Исследование сложных слов, входящих в данную словообразовательную группу, выявило случаи, когда русское сложное существительное, наделенное семантикой процесса или действия, а также обозначающее лицо, машину или прибор, выполняющие определенное действие, в чеченском языке передается не одним сложным словом, а словосочетанием. Сравним: *верхолазка* - *лакхенанбелхало*, *казнокрадка* — *хазналечкьориг* и др.[3, с.210].

На основе наблюдений над лексическими единицами В.П. Даниленко приходит к выводу о большой продуктивности слов с процессуальным значением, включающих суффикс *-ка*, по сравнению со словами с той же семантикой, образованными с помощью суффикса *-ние*. Наши же наблюдения в области композитов позволяют заключить, что частотность употребления слов, образованных с помощью сравниваемых суффиксов, почти одинакова, незначительный же перевес в плане их продуктивности относится, скорее, к существительным с формантом *-ни(е)*, нежели к существительным с формантом *-к(а)*.

Сложные существительные с суффиксами -ник,- чик,-щик, -лыщик характеризуются неоднородностью семантики, выступая преимущественно со значением лица, относящегося к определенной профессии, реже они обозначают предмет или лицо с какой-либо иной характеристикой.

Выделенная группа сложных лексических единиц не отличается однородностью зависимых производящих основ. В роли последних фигурируют слова, принадлежащие к различным грамматическим разрядам: субстантиву (*водоприемник – хигулдийриг*), адъективу (*железнодорожник – аьчканекъахо*), наречию (*многоугольник – духхасенаш - дерг*), квантитативу (*пятигранни – пхисаберг*), – призванным конкретизировать семантику опорного компонента сложного слова, которое в системе обоих языков внутри данной группы выражается преимущественно глагольной основой.

На синтаксическом уровне языка исследуемая группа сложных лексических единиц русского языка свободно объективируется как в соотносительные словосочетания, так и в соотносительные предложенческие конструкции. Например: *газозаправщик – 1)заправляющий газом; 2) тот, кто заправляет газом* (предложенческая объективация); *судоремонтник – 1) ремонтирующий суда* (словосочетательная объективация); 2) *тот, кто ремонтирует суда* (предложенческая объективация).

В соответствующих чеченских сложных словах синтаксическая объективация не представляется возможной, т.е. сложные лексические единицы не имеют синонимических пар в виде соответствующих словосочетаний.

3. Суффикс *-тель*

Семантическое поле сложных слов, образованных посредством указанного суффикса, прозрачно. Слова, объединяемые в данную словообразовательную группу, характеризуются в основном значением устройства или лица, выполняющего определенное действие (т.е. агентивной семантикой), названное опорным компонентом композита.

В словообразовательной системе современного чеченского языка отмеченный русский суффикс равнозначен по своему семантическому наполнению в основном суффиксам *-хо, -рг*. Сравним:

<i>кораблестроитель</i>	<i>кеманашдархо</i>
<i>золотоискатель</i>	<i>дешильхург</i>
<i>звукоуловитель</i>	<i>азсхъалоцург</i>
<i>зерноуловитель</i>	<i>ялалоцург</i>

В плане основ, составляющих рассмотренный тип сложных слов, наблюдается полное соответствие между параллельными русскими и чеченскими композитами; опорные компоненты данных сложных лексических единиц восходят преимущественно к

девербативной форме, а также возможны адъективные основы.

Зависимые же части соотносятся либо с субстантивной, либо с адъективной основами.

Благодаря своей семантике носителя действия, исследуемая группа композитов в русском языке способна объективироваться на обоих известных уровнях синтаксиса.

Например:

правдоискатель – 1) ищущий правду (словосочетательная объективация); 2) тот, кто ищет правду (предложенческая объективация);

картофелекопатель –1) копающий картофель (словосочетательная объективация); 2) машина для выкапывания картофеля (предложенческая объективация);

Сравним с чеченскими соответствиями:

картолашъохкур 1) картолашохкушерг (предложенческая объективация); 2) картолашохкумашен (словосочетательная объективация).

4. Суффикс *-ость*

Семантическое поле композитов с выделенными суффиксами в обоих языках однозначно: сложные лексические единицы подобного типа несут качественную, оценочную характеристику состояния, что обусловлено семантикой их суффиксов, производящих в словообразовательной системе языка имена качества.

Сопоставительный словообразовательный анализ выявил в чеченских сложных лексических единицах, синонимичных соответствующим русским сложным словам, продуцируемым с помощью суффикса *-ость*, словообразовательный показатель в форме суффикса *-алла*, реже в форме суффикса *-р*.

Сравним:

грузоподъемность	кираайдаралла
самоокупаемость	шенхоржалла
самонадеянность	б1оболар

В противовес однозначности семантической нагрузки, привносимой в данные слова производящими суффиксами *-ОСТЬ*, *-ЛЛА* и *-Р*, основы, входящие в их состав, варьируются. Это может быть и субстантив, и адъектив, и местоимение. Точнее, опорные компоненты таких сложных слов в обоих языках восходят к адъективу, зависимые же «вспомогательные» части происходят преимущественно от адъективных, реже от местоименных основ [3, с.213].

Таким образом, здесь наблюдается высокая активность имени прилагательного, которое, как мы имели случай убедиться в предшествующих группах, не отличается особой продуктивностью, тем более в роли опорного компонента сложных существительных.

Изучение синтаксической сферы употребления русских сложных слов

анализируемого словообразовательного типа обнаружило их способность лишь к словосочетательной объективации, что, в свою очередь, обусловлено их семантикой. Сравним:

русск: *дальновидность* – видеть далеко, *хладостойкость* – устойчивая к холоду и т.д.
чеч.: *б1аьрамецгалла* – б1аьрамециг хилар; *харцлоьралла* – харцлоьраллалелор и т.д.

Несмотря на отмеченные сходства между русскими сложными лексическими единицами с суффиксом *-ость*, выражающими определенную характеристику состояния, и их чеченскими эквивалентами на суффиксы *-лла(а)*, *-р*, фактический материал и внутри рассматриваемой группы выявил в системе чеченского языка случай «описательной» или синтаксической передачи сложных слов на *-ость*.

Так, сравним:

самоокупаемость – *ишенхоржалла*
боеспособность – *т1ом бабалар* -
благосклонность – *дикалаар*
благозвучность – *дикахазар*

Сопоставительное словообразовательное исследование сложных слов, организующих данную группу, позволяет заметить, что внутри рассматриваемой группы встречаются русские композиты с суффиксом *-ость*, чеченские лексические эквиваленты которых не соответствуют цельнооформленному сложному слову, а выражаются его сочетанием с простым словом.

Сравним:

благотворительность *г1оьналла*
жизнеспособность *доьналла*

Таким образом, были рассмотрены наиболее продуктивные словообразовательные показатели, участвующие в конструкции композитов внутри словообразовательных систем современного русского и чеченского языков.

Изучение формантов, производящих сложные слова, зафиксированные в словарях, выявило большое разнообразие семантических оттенков, приносимых в эти слова анализируемыми суффиксами, выполняющими смыслоразличительную роль.

Почти во всех представленных словообразовательных группах сложных существительных в современном русском языке суффиксальный способ словообразования сопровождается интерфиксацией, сущность которой, по Е.А. Земской, состоит в том, что «между двумя морфемами вставляется семантическая прокладка, устраняющая сочетания фонем, запрещенные законами морфологии или нетипичные для структуры русского слова» (Земская 1964).

В рассматриваемых русских примерах зафиксированы также малоактивные случаи «нулевой интерфиксации», но отсутствие интерфиксальных показателей не отражается на общем процессе словосложения.

В отличие от русского словопроизводства, в чеченском языке класс композитов с нулевым интерфиксальным показателем намного обширнее, так как интерфиксальное словосложение почти не характерно для словообразовательной системы современного чеченского языка.

Итак, классификация сложных лексических единиц в соответствии с производящими формантами, обнаружившая большое количество новообразований, еще раз позволила убедиться в высокой продуктивности одного из наиболее распространенных способов современного словопроизводства – сложно-суффиксального способа в сочетании с интерфиксацией.

Выводы

Результаты сравнительно-типологического исследования, семантический и грамматический анализ природы русских и чеченских сложных имен существительных позволяют сделать следующие выводы:

1. Соотношение понятий и именуемых их сложных существительных в русском и чеченском языках определяется спецификой грамматического строя и лексического фонда этих языков, и потому существенно различно.

2. В большинстве структурных типов сложных слов рассматриваемых языков наблюдается значительное сходство, обычно обусловленное проявлением общих языковых законов. Общими словообразовательными свойствами сопоставляемых чеченского и русского литературных языков являются:

- а) наличие структурных моделей сущ. + сущ., прил. + сущ., числ. + сущ.;
- б) наличие производных и непроизводных основ.

3. К контрастивным особенностям рассматриваемых моделей словообразования в сопоставляемых языках относятся:

а) способы соединения компонентов в сложном целом: в чеченском языке – без соединительных элементов (если не считать отдельных случаев наличия в исходе первого компонента падежного форманта); в русском языке возможны соединения с помощью интерфикса и без него;

б) функциональные возможности частей сложного слова: в чеченском языке почти во всех структурных типах компоненты сложного слова могут употребляться в виде самостоятельных слов, тогда как в русском языке это возможно не всегда;

- в) усечение первой основы в модели структурного типа прил. + сущ. в русском

языке, при сохранении полнотности компонентов этой модели в чеченском.

5. В русском и чеченском языках необходимо четко дифференцировать морфемный состав и словообразовательную структуру композитов. Подобное понимание вопроса особенно важно в работах сопоставительного плана, поскольку, например, русские композиты, образованные разными способами, но имеющие один и тот же морфемный состав, нередко получают в чеченском языке различное эквивалентное выражение.

Список литературы

1. Даниленко 1966 – Даниленко В.П. Влияет ли употребительность слов на продуктивность словообразовательной модели // Развитие словообразования современного русского языка. – М., 1966.
2. Земская 1964 – Земская Е.А. Интерфиксация в современном русском словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М., 1964.
3. Сулейбанова М.У. Композитное словообразование в нахских языках: дис. ... д-ра филол. наук. – Махачкала, 2009.
4. Сулейбанова М.У. Сложные существительные в русском и чеченском языках. Учебное пособие. – Пятигорск, 2001. – 61с.
5. Сулейбанова М.У. Общее и частное в словообразовательной системе русского и чеченского языков. Учебное пособие. – Грозный, 2002. – 70 с.

Рецензенты:

Навразова Х.Б., д.ф.н., профессор кафедры чеченской филологии ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет», г. Грозный;

Халидов А.И., д.ф.н., профессор, зав. кафедры чеченской филологии ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет», г. Грозный.